

В местном скверике, где мы присели отдохнуть, наслаждаясь панорамой Средиземного моря и Тель-Авива, убиралась бригада рабочих. Такие все черные, худые, низкорослые, что я принял бы их за бушменов, если бы не синие комбинезоны. Один из них, отколовшись от общей стайки, выскочил на полянку, где мы отдыхали, и наткнулся на такой же синий как его комбинезон пластмассовый поломанный ящик из-под бутылок. Трудно передать выражение округлившихся глаз этого «бушмена»: и предвкушение, и сомнение. Он, как бы не веря в свою удачу, с опаской обвел глазами лужайку и вопросительно посмотрел на нас. «Бери!», – добро махнули мы ему рукой. Он быстро удалился в кусты, спеша показать добычу товарищам. «Молодой еще, – равнодушно и устало сказал Хасин, – Наверное, недавно приехал». А я подумал: «Хорошо, что мы сделали доброе дело. Ну, что в принципе африканским гастробайтерам в Израиле до Наполеона?»

A.V. Gladyshev

Gladyshev Andrey Vladimirovich – professor of chair of history of modern and latest times of the Saratov state university of N. G. Chernyshevsky (Saratov), the doctor of historical sciences, the associate professor.

DAILY OCCURRENCE OF HISTORICAL RUINS

Having processed a pencil dung on fields of tram tickets, guides, fair brochures and the other pieces of paper which are often accumulating in pockets of tourists, having systematized these scraps in a chronological order, I received more or less connected, though a fragmentary narration about stay in Israel two Saratov historians – A.V. Gladyshev and V. V. Hasin. Considering that today writers in Russia becomes almost more, than readers, and the increasing popularity is gained by a genre of travel, these notes are recommended to all fans of historical and cultural tourism and uncouth rest.

Key words: daily occurrence, Israel, historical memory, cultural tourism

Л.С. Слободяник

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ БАЛ 1812 ГОДА
(историко-литературная фантазия)

Статья посвящена повседневной жизни Екатеринбурга в период войны 1812 г. В 1812 году Екатеринбург жил еще спокойной, размеренной жизнью, и ничего не предвещало резких перемен. Уездная повседневность, помноженная на «горный» статус, была непроста, отголоски войны заставляли людей задумываться о будущем и не располагали к жизни на широкою ногу. Поэтому привычки к бессмысленной трате денег у людей не было. Чаще всего екатеринбуржцы давали обеды или ужины, на которые друзья могли приходиться и без специального приглашения. Это были визиты без церемоний и особых приготовлений. Только очень важное событие могло подвигнуть человека на организацию настоящего бала – с танцами, фейерверком и другими развлечениями. Известие об изгнании Наполеона за пределы России стало таким событием.

Ключевые слова: бал, война, повседневность, историко-литературная фантазия

Наконец наступил и многозначительный
день бала. Весь Узел был поднят на ноги
с самого утра. Бедные модистки не спали всю
ночь,
дошивая бальные платья... Привалов тоже
готовился к балу, испытывая приятное волне-
ние...

*Приваловские миллионы
Д.П.Мамин-Сибиряк*

Золотистая осень в старом Екатеринбурге поистине очаровательна, кокетлива и капризна, как всякая хорошенькая женщина. То она радуется глаз своим ярким нарядом, усыпанным рубинами, изумрудами и топазами, то вдруг набрасывает на себя серую пелерину дождей и унылого ветра. Как она переменчива, как ветрена...

Такой поздней осенью 1812 года в Екатеринбург пришла радостная весть о том, что после битвы при Бородино и пленения Москвы армия Наполеона начала отступать. Невозможно описать, с каким восторгом была встречена эта новость. Пусть тогда, в век почтовых лошадей и бездорожья, тяжело было следить за разворачиванием событий на театре военных действий, однако екатеринбуржцы не могли оставаться безучастными к тому, что волновало всю страну. Ведь у многих из них за тысячи километров от дома воевали с иноземными захватчиками родные и близкие люди. Дело в том, что в 1796 году в Екатеринбурге из 5-го и 6-го Сибирских линейных батальонов начал формироваться Екатеринбургский мушкетерский полк, ставший в 1811 году пехотным. Немало жителей города пополнило его ряды и выступило на запад для соединения с другими частями русской армии. И вот сейчас, когда пришла сча-

стливая весть о переломе войны, жители Екатеринбурга чувствовали в этом и свою заслугу, и от этого на душе у них было еще светлее и радостнее. В Богоявленском соборе и перестраиваемой Вознесенской церкви отслужили панихиды по воинам «на поле брани убиенным». Тогда, конечно, еще никто не мог точно знать, сколько потерял Екатеринбургский пехотный полк (хотя, как выяснилось позже, потери были очень серьезными – более 450 человек), однако жители города молились за упокой душ всех русских солдат, которые бесстрашно отдали жизнь за Отечество.

Да, невзирая на удаленность Екатеринбурга, его жители все время старались следить за ходом кампании через списки с журнала военных действий. По всему городу был организован сбор средств для армии и пострадавших от войны. За лето было собрано более 300 рублей на обмундирование новых полков. Причем деньги вкладывались не только дворянами и зажиточными горожанами, но даже заводскими мастерами.

И, конечно, уральские заводы все последние годы были ориентированы на военное производство. Правда, большая часть артиллерийских орудий и стрелкового оружия производилось под Петербургом, в Туле, Ижевске, на Украине, но для этого использовался именно уральский металл.

Прочные нити связали Екатеринбург со всем тем, что происходило на западных рубежах Российской империи. И когда на смену кокетке-осени пришла строгая, затянутая в белый снежный покров зима, и Пермское горное правление обнародовало известие о полном изгнании врага за пределы России, ликование екатеринбуржцев не было предела.

На следующий день утром из всех церквей города на главную площадь Екатеринбурга направилась крестная ходы, затем в Богоявленском соборе началось служение торжественной литургии. Весь народ объединила общая радость! Россия спасена! Неприятель повержен! На улицах слышались песни! Незнакомые люди поздравляли друг друга с победой! Весь день город гудел, как пчелиный улей. И поскольку был канун Рождества, негласно было решено, что традиционные святочные балы будут посвящены великой победе!

При этом не надо забывать, что еще в 1807 году, согласно Проекту горного положения, Екатеринбург стал горным городом. Это придало совершенно новый статус и екатеринбургскому балу. Дело в том, что Екатеринбург, единственный из российских городов, получил статус «горного города», а это давало ему достаточную независимость от администрации Пермской губернии, в состав которой он входил ранее как город уездный. Горный начальник заводов Екатеринбургского горного

округа. наравне с городской думой, стал отвечать за городское хозяйство и правопорядок. Мастеровые и крестьяне казенных заводов были освобождены от местных налогов. И дух екатеринбуржцев тоже изменился. что не могло не отразиться на различных увеселениях и празднествах, принявших теперь совсем другой размах. Несмотря на «военный характер горного дела», как писал Мамин-Сибиряк, в 1812 году военные порядки еще не достигли своего апогея, как это случилось позже, в царствование Николая I. И екатеринбуржцы, особенно состоятельные, чувствовали себя достаточно свободно. Еще известный путешественник по Сибири аббат Шапп д'Отерош в 1761 году писал о Екатеринбурге, как о городе с оживленной «людкостью» – с активной общественной жизнью, не говоря уж о жизни частной. И это невзирая на то, что как минимум треть населения составляли раскольники, чей жизненный уклад не располагал к шумным увеселениям. Тем не менее, в Екатеринбурге – поистине «евразийском» городе – смешалось столько разных людей: мещан, мастеровых, купцов, ремесленников, военных, горных чиновников, промышленников и владельцев заводов, что границы представлений, традиций и нравов незаметно стирались. Правда, размах празднеств и балов еще не подпитывался тогда безграничным богатством местных жителей, так как россыпное золото на Урале было открыто только в 1814 году. Лев Брусницын, «смотритель по золотому производству» Первопавловской фабрики, при осмотре проб из очередной штольни обратил внимание, что крупинки золота имеют какой-то необычный цвет. Увидев, что на золотых крупинках отсутствуют следы деформации от дробления (а золото добывали тогда, только дробя породу в порошок и промывая ее), Брусницын предположил, что они добыты не из шахты, а из россыпного месторождения. Конечно, сначала мастеру не верили... До тех пор, пока он собственноручно за месяц не намыл около 1,5 кг золота! Только тогда в Екатеринбурге, как и на всем Урале, началась настоящая золотая лихорадка, и абсолютно новая жизнь для заводчиков и золотопромышленников, о которой мы читаем в «Приваловских миллионах» так: «Обыкновенной роскоши, обыкновенного мотовства ... было мало. Какой-то дикий разгул овладел всеми: на целые десятки верст дорога устилается красным сукном, чтобы только проехать по ней пьяной компании на бешеных тройках; лошадей не только поят, но даже моют шампанским...» Весь образ жизни после 1814 года просто «вывернулся наизнанку», и пропасть между рабочим людом и заводо-владельцами стала бесконечно огромной.

Но в 1812 году Екатеринбург жил еще спокойной, размеренной жизнью, и ничего не предвещало резких перемен. Уездная повседневность, помноженная на «горный» статус, была непроста, отголоски войны заставляли людей задумываться о будущем и не располагали к жиз-

ни на широкую ногу. Поэтому привычки к бессмысленной трате денег у людей не было. Чаще всего екатеринбуржцы давали обеды или ужины, на которые друзья могли приходиться и без специального приглашения. Это были визиты без церемоний и особых приготовлений. Только очень важное событие могло подвигнуть человека на организацию настоящего бала – с танцами, фейерверком и другими развлечениями. Известие об изгнании Наполеона за пределы России стало таким событием.

К сожалению, осталось очень мало сведений о бальной культуре Екатеринбурга начала XIX века. И все же... попытаемся описать бал того времени.

Итак, представим себе двухэтажный уютный особняк под железной крышей, в котором разместились пятнадцать комнат. На улицу с него глядят восемь окон с оштукатуренными наличниками, парадное крыльцо сложено из старинных гранитных плит, над ним — металлический навес с ажурными боковинами. Крыльцо и маленький внутренний двор дома занесены снегом, на крыше и навесе тоже наметены снежные горы. Оконные стекла в морозных узорах пропускают теплый свет свечей, но не дают рассмотреть с улицы, что происходит в утробе комнат. Утро, а еще темно. Совсем недавно день снова стал прирастать минутами или, как говорится в народе, прибавляться на куриную ножку или воробьиный скок. Однако в доме уже с девяти утра все на ногах. Ведь в восемь часов вечера должен начаться настоящий домашний бал, а сколько всего еще нужно подготовить...

Главное, конечно, бальные платья и ужин. Знакомая модистка последнюю неделю буквально поселилась в доме горного чиновника Евстафия Петровича Рябухина. А кухарка по десять раз на дню призывалась хозяйкой для уточнения списка блюд, которыми предполагалось угощать гостей. Все-таки ожидалось вполне серьезное, хоть и довольно пестрое, общество: обер-офицер Богданов, протоиерей Кустинский, доктор Фолькнер, городской комендант Коверин, купцы Толстов – заседатель уездного суда – и Горбунов, коллежский ассессор Келлер, полковник Марлов. и даже обещался быть его сиятельство князь Козловский, направленный в Екатеринбург Департаментом горных и соляных дел Министерства финансов для усиления контроля за деятельностью частных заводов. И все они собирались быть с супругами и детьми, у кого таковые, конечно, имелись.⁵⁰⁹

Весь день в доме дым стоял коромыслом. Все начищалось, проветривалось, приводилось в порядок. Бальная зала и комнаты украшались цветами, до блеска натирался пол и канделябры. Подсчитывалось

⁵⁰⁹ Все герои являются вымышленными, и все совпадения случайны.

количество свечей, необходимое для освещения залы в течение вечера и доброй половины (а то и всей) ночи. В своем кабинете хозяин дома любовно аранжировал целый ряд золотистых горьких настоек. Его гордостью был ерофеич – водка, которую он готовил обычно сам, никого не допуская, как говорится, до процесса. Он полагал, что именно ему удалось найти необыкновенные соотношения мяты, аниса и померанцевых орешков, создающее неповторимый букет. Ерофеич настаивался у него с сентября и только сейчас достиг всей полноты вкуса. Его он приберегал для истинных ценителей. Правда, с весны осталось еще немного отменной листовки на почках и молодых листочках черной смородины, однако ее Евстафий Петрович хотел поберечь до своих именин, отмечавшихся в конце февраля.

Также он любовно протер свою деревянную табакерку, отделанную янтарем. Он очень гордился ею, потому что в ней было несколько отделений для хранения табака разных сортов. Немногие могли похвастаться такой безделушкой. Ему же эту табакерку привез его старинный друг из самой Голландии. Кстати, еще сам царь Пётр научился курить табак именно там, после чего стал ярким пропагандистом этого зелья в России. По его указу 1697 года табачный дым разрешалось вдыхать и выдыхать через курительные трубки – глиняные, деревянные, фарфоровые. Также довольно скоро в моду вошло курение сигар. Например, в качестве подарка Екатерине II присылались сигары, украшенные шелковыми ленточками, чтобы ее царственные пальчики не касались табачных листьев. И хотя в годы правления Александра I трубка и сигара начали вытеснять табакерку из жизни провинциальных городов, вплоть до 1810-х годов курительный табак все же уступал по популярности табаку нюхательному. Тем не менее, у запасливого Евстафия Петровича были припасены и сигары. Когда прошлой зимой он был отправлен по делам в Петербург, ему удалось достать очень неплохой набор, которым он сейчас намеревался поразить воображение его высокоблагородия и, даст Бог, его сиятельства, и заранее потирал руки.

На половине жены Евдокии Васильевны и двух дочерей на выданье – 17-летней Лизаньки и 18-летней Вареньки – было более шумно и весело. Поминутно в глубине комнат вспыхивал залиvistый девичий смех. Девушки вертелись перед зеркалом, подбирая к новеньким, с иголочки, платьям украшения.

Модистка Ляхова, юркая проворная женщина лет сорока, сидела на краешке стула и беспокойными глазами следила за тем, как ее юные клиентки самым легкомысленным образом обходились с ее шедеврами, теребя и дергая друг друга.

Вообще цветовая гамма бальных туалетов начала XIX века была весьма разнообразной и даже, если так можно выразиться, эксцентрич-

ной. В столице можно было видеть самые необычные платья, как например, светло-желтое шелковое с подолом, расшитым зелеными пальмовыми листьями, или голубое атласное с отделкой из вишневого бархата. Но в провинции женщины были все же скромнее, чем в столице. Здесь по-прежнему были популярны белый и пастельные цвета. Вот и у Лизаньки было жемчужно-серое платье из переливчатого шелка с рюшами и бантами, а у Вареньки атласное светло-розовое, украшенное такими же атласными розовыми бутонами. Вопрос упирался в выбор украшений и шалей. Согласно последним модным новостям, прибывшим из Петербурга, скромный туалет следовало оживить чем-то контрастным. Вот этим сейчас и занимались юные девицы, вызывая трепет в модистке своим вольным обращением с ее воздушными творениями. В конце концов Лизанька выбрала себе красно-оранжевую легкую шаль с золотой каймой. В волосы решено было вплести такого же цвета ленты. Варенька же чуть не впала в отчаяние оттого, что никак не могла выбрать между белой и лиловой шальями, но все же приняла решение в пользу белого цвета и розово-белых атласных цветов для украшения прически, поскольку это ее чрезвычайно молодило, делая на вид младше сестры.

В это время мать, чье платье из темно-вишневого тяжелого бархата спокойно ждало свою хозяйку, как впрочем, и давно подобранные золотые украшения, большой вишневый веер и диадема из цветов и лент, наконец, окончательно утвердила список блюд для вечернего стола и отпустила кухарку. Решено было помимо традиционных яств и вин подать кушанья заморские: анчоуса в голландском соусе, немецкий форшмак из сельди и кильки, свинину а-ля бешамель. При этом, конечно, никак нельзя было представить стол без балыка, семги, колбас, стерляжьей ухи с пирогами, буженины, без поросят с хреном, сибирских пельменей, карасей, рябчиков, оленины и прочих исключительно русских лакомств. Каждому блюду по уготовлению хозяйки должны были предшествовать или последовать соответствующие вина и рюмки определенных размеров. Одно вино необходимо было пить большими глотками, другое маленькими, третье долго и медленно смаковать.

Успокоившись на этот счет, Евдокия Васильевна решила навестить в комнаты своих девочек и поглядеть, что там делается – уж больно громкое там шло веселье. Дабы утихомирить раскрасневшихся девиц она напомнила им, что не мешало бы разобрать и приготовить ноты, если они все еще твердо намерены поразить слух гостей своим музицированием и пением. Девушки, весело щебеча, поспешили к фортепиано и начали быстро перебирать ноты. Надо было поторопиться, ведь следовало еще приготовиться к декламации. Читать собирались

последние сочинения Гаврилы Романыча Державина, а также Ивана Иваныча Дмитриева.

Так каждый, занимаясь своими делами, готовился радушно встретить друзей дома и важных гостей. И в доме до вечера продолжались суэта и всяческие приготовления.

Постоянно бывая друг у друга в гостях, члены екатеринбургского высшего общества выражали взаимное уважение, отдавали должное чести и достоинству хозяев. С приятными людьми они виделись часто, с остальными изредка или обменивались церемонными визитами. Этикет требовал от екатеринбуржцев посещать людей своего круга. В данном случае семья Рябухина должна была наносить визиты представителям местной элиты. Само высшее общество старого Екатеринбурга негласно делилось на несколько небольших кружков, которые по-своему объединяли людей схожих интересов и взглядов. Однако к Рябухиным любили ходить самые разные люди – хозяин и хозяйка были всегда очень приветливы, дочери непосредственны и очаровательно милы, стол на удивление богат и разнообразен. И вообще сама атмосфера дома – уютная, благожелательная – располагала к непринужденному общению, интересным, легким разговорам, обмену новостями, веселым спорам, увлекательной карточной игре, пению и танцам.

Вот и в этот вечер никто из приглашенных к Рябухиным на домашний бал в честь избавления России от иноземного ига не уклонился от посещения этого хлебосольного дома: гости прибывали один за другим, внося радостную суматоху и оживление в освещенные ярким светом бесчисленного количества свечей комнаты. Причем некоторые гости пытались подсчитать, сколько же свечей было употреблено для этого вечера, и полученная цифра тоже говорила в пользу хозяев, подтверждая их щедрость.

Гостям поднесли вино. После морозной стужи тепло уютного дома, приветливость хозяев, доброе вино сразу настроило их на нужный лад, и все приготовились получить от вечера как можно больше удовольствия. В отличие от балов петербургских, начинавшихся бесконечными утомительными танцами, многие провинциальные балы начинались с ужина и обмена новостями. И когда через несколько минут лакей провозгласил «Кушать подано!», гости парами потянулись в просторную светлую столовую, где был накрыт большой стол, безупречно сервированный и украшенный цветами. Сначала для возбуждения аппетита подали гордость Евстафия Петровича – горькие настойки. Затем последовали закуски, среди которых больше всего гостей поразил немецкий форшмак, блюдо, доселе мало встречавшееся даже в Екатеринбурге. Далее в столовую внесли стерляжью наваристую уху с горячими пирогами, от которой шел такой вкусный дух, что аппетит мог разыграться и

без настоек. После супа, произведшего большое впечатление, лакеи по знаку Евстафия Петровича подали шампанское. Как хозяин дома он взял бокал и встал, дабы провозгласить, наконец, тост. «За здоровье государя императора, избавителя нашего!» – воскликнул он, прослезившись. Все гости встали со своих мест и присоединились к тосту. Полковник Марлов и обер-офицер Богданов закричали «ура!», к ним присоединились другие мужские и женские голоса. Все были счастливы и объединены мыслью о великой победе! Юный сын городского коменданта Коверина, мечтавший пойти в гусары, чуть не плакал от радости и в то же время от жалости к себе – не успел он принять участие в этой войне и постоять за Отечество. Когда замолкли голоса, все уселись вновь, и тема войны и победы над Наполеоном овладела разговором. Вспоминали своих знакомых и родственников, отличившихся в различных боях. Полковник Марлов, получивший серьезную контузию в начале августа в боях под Смоленском, и вынужденный вернуться в родной город (как говорил он с тяжелым вздохом – «не исполнив до конца свой долг перед Отечеством»), рассказывал про то, как они сдерживали неприятеля у Витебска. Все слушали его – единственного в этом обществе очевидца и участника тех кровопролитных событий – буквально открыв рот. И скупая слеза катилась по его щеке, когда он называл имена своих товарищей, погибших на его глазах, или о гибели которых он узнал только несколько месяцев спустя. Снова зазвучали тосты, снова пили по-торжественному – стоя. Закусывали свининой а-ля бешамель, удивляясь необычному вкусу белого соуса, а также рябчиками и карасями. Смаковали вино, подолгу жевали губами, пытаясь сохранить его вкус во рту. Потом жизнерадостность Евстафия Петровича взяла верх над серьезностью момента, и он перевел разговор в более веселое русло. Заговорили о проделках гусар, причем при описании некоторых краснели не только молодые девушки, но и их почтенные матери. Но все это уже более не казалось непристойными выходками, это были удалые подвиги победителей. Оживленный разговор подкреплялся все новыми и новыми винами, затем внесли сладкие пироги, засахаренные и свежие фрукты, которые зимой были редки и дороги, что вновь подтверждало прочное благосостояние хозяев. Гости раскраснелись, увлеченные общим весельем, и не слышали, как за окном завывает вьюга и бросает в оконные стекла горсти колочего снега.

Так за сытным ужином и восторженными разговорами о победе и беспримерной храбрости солдат русских незаметно прошло почти три часа. После ужина общество разделилось: мужчины постарше удалились в кабинет Евстафия Петровича откусать ерофеича, понюхать табачку или выкурить сигару. Матери и дочери, а также молодые люди перебрались в гостиную, где молодежь начала шушукаться, предвкушая

танцы, а матери принялись обмениваться городскими слухами и сплетничать, обсуждая некоего горного чиновника Нестерова, убежавшего на охоте от медведя. Евдокия Васильевна не принимала пока участия в их болтовне, распорядясь подготовкой столов для игры в карты и разговаривая с музыкантами, специально приглашенными по такому случаю из Перми.

Вскоре дверь в кабинет мужа отворилась, господа, сопровождаемые крепким духом табака, присоединились к дамам, и среди гостей вновь произошла некоторая рокировка. Те из них, которые не собирались участвовать в танцах, остались в гостиной играть в вист и бостон. Они заняли места за приготовленными Евдокией Васильевной столами, лакеи подали им вина и пироги, и они погрузились в привычное для провинциального города развлечение. Причем за столами можно было видеть и молодых женщин, и даже барышень-невест. Да, никто в провинции не мог избежать влияния сего азартного действия.

Остальные плавно перетекли в небольшую, но достаточно просторную балльную залу, где музыканты уже настраивали свои инструменты. В начале XIX века танец, наряду с иностранными языками, фехтованием и верховой ездой, был одним из важнейших «телесных упражнений» необходимых всем молодым людям высшего света. Для обучения танцам из Петербурга специально выписывались учителя. Именно по тому, как умел танцевать молодой человек, можно было определить его положение в обществе и, главное, предположить то, как он это положение может со временем улучшить. Именно на балах можно было сделать себе протекцию, показать свои достоинства, зарекомендовать себя человеком ловким, способным далеко пойти. То же касалось и молодой девушки. Бал был местом поиска женихов. И чем изящнее двигалась в танце юная барышня, тем быстрее и легче она могла составить себе подходящую партию. И сейчас Евдокия Васильевна следила за тем, с кем в пару встали ее дочери. Ловкость их партнеров в танце и способность красиво ухаживать должны были помочь ей решить, подходящие они женихи для ее дочерей или же нет.

Бал открылся польским. Многих удивлял этот танец, похожий на торжественную прогулку. Шедшие в первой паре Варенька и молодой Келлер, сын коллежского асессора, выписывали по залу восьмерку, за ними чинно выступали еще одиннадцать пар. Танец длился около получаса, хотя обычно должен был исполняться в течение полутора часов. Но молодым людям не терпелось перейти к более живым танцевальным фигурам. И хотя полонез давал возможность молодым влюбленным беспрепятственно говорить о любви, не боясь быть услышанными мамами, от его монотонности все быстро устали и с явным облегчением вскоре слышали первые звуки кадрили.

Вторым танцем на балу, действительно, довольно часто была кадрили. Этот танец уже допускал вольности и комбинации разнообразных фигур. Их предлагали танцоры, идущие в первой паре. В Петербурге, когда собиралось большое общество, танцующие делали свои фигуры не только в самой зале, но переходили из нее в другие комнаты, некоторые вообще выходили в сад, или забирались на другой этаж дома. Сам танец был живой и требовал некоторой изобретательности от танцоров. В доме Рябухиных была всего дюжина танцующих пар, поэтому места в бальной зале хватило всем. И гости, играющие в карты в соседней гостиной, к их счастью, не были потревожены в самый разгар игры. Пары то весело сходились в четырехугольниках, то расходились, поочередно выделявая разные фигуры. Танцоры подпрыгивали и отдувались, радостно улыбаясь и смеясь, и не замечали, как быстро бегут минуты, и как стрелка часов уже приближается к полуночи, и что скоро на смену кадрили придет новый популярный танец – вальс.

Ранее вальс был народным, очень простым танцем на два такта, а не на три, как сейчас. В моду он вошел в конце XVIII – самом начале XIX века и сразу стал очень популярен. Молодежь чрезвычайно увлеклась этим новым танцем – наперекор старшим, которые твердили о неприличности новой забавы. Еще бы! Представьте себе: молодая девушка бросается в объятия мужчины! Как можно! Однако именно в этом и таилась вся прелесть вальса. Здесь можно было чуточку переступить границу приличий и приблизиться к объекту своего обожания или просто пофлиртовать с интересным партнером. Хотя провинциальные строгие матери все равно не давали танцевать слишком близко друг к другу. Единственной вольностью, заставлявшей тайне вздыхать и краснеть молодых девушек и юношей, было то, что во время танца левая рука дамы ложилась на плечо кавалера, а кавалер обхватывал свою даму за талию правой рукой. Живой, нежный, решительный и романтичный, вальс закружил двенадцать пар в своем стремительном вихре. Сверкали глаза, быстро вздымалась грудь, бесшумно стучало сердце, и талию Лизаньке чуточку сильнее, чем положено, сжимала рука племянника полковника Марлова. Не от этого ли она так раскраснелась?

Но все же главным танцем бала успела стать мазурка. И это несмотря на то, что она появилась в Петербурге лишь в 1810 году, перекочевав туда из Парижа. Она сразу вошла в большую моду: ее танцевали в четыре пары, и хорошая школа того времени требовала грациозности от дам и удали — от кавалеров. Лучшей исполнительницей мазурки была известная красавица М.А. Нарышкина, среди кавалеров – это был сам государь император Александр Павлович, а также граф Милорадович. Именно в мазурке во всем блеске проявлялось мастерство бального танцора. Это был танец-балет. Мазурку танцевали с многочисленными

причудливыми фигурами и мужским соло, составляющим кульминацию танца. У мазурки был распорядитель, каждый участник должен был проявить изобретательность и способность к импровизации, при этом общий рисунок танца нарушать было нельзя. Непревзойденным исполнителем мазурки в местном обществе оказался князь Козловский. Он не любил кадрили и вальса, а вот мазурка была его слабостью. Возможно, потому что это был танец его родины – Польши. Как только распорядитель танца, молодой Келлер, объявил о его начале, за его сиятельством было послано в гостиную, где тот увлеченно играл в карты. Явившись, он выбрал себе в партнерши хорошенькую дочь полковника Марлова, по знаку распорядителя заиграла музыка и... Трудно было представить себе более самозабвенного и темпераментного исполнения этого танца, полного грации и огня. Князю удалось придать всему действию столько достоинства и живости, что невозможно было отвести от него глаз. Молодая Наденька Марлова просто светилась от счастья и гордости – ее выбрал в партнерши сам его сиятельство – да к тому же такой ловкий кавалер! Она была легка, прелестно танцевала и почти не отставала от своего партнера. Но не все были способны выдержать бешеный ритм мазурки, да и духоту, ступившуюся в зале, и через час с небольшим Катюша Толстова, дочка известного купца, одного из лучших друзей Евстафия Пстровича, вдруг поскользнулась и упала прямо под ноги своему кавалеру купцу Горбунову. Музыка внезапно оборвалась, все бросились к Катеньке! Горбунов поднял ее и усадил в кресло, маменька обмахивала всером, Лизанька брызгала на нее водой. Прошло несколько времени, прежде чем Катюша пришла в себя и слабо улыбнулась Горбунову, рассыпавшемуся в извинениях и умолявшего простить его за неуклюжесть – не удержал, не успел, готов искупить! Все вздохнули с облегчением! А то на прошлогоднем балу у вице-губернатора дочь Богданова так же упала, подвернув ногу, и почти месяц провела в постели! Здесь, слава Богу, все обошлось! На лицах снова заиграли улыбки, танцоры расслабили уставшие во время энергичного танца ноги и руки, и во внезапно повисшей тишине часы вдруг неожиданно пробили три.

Еще должна была наступить очередь котильона, но падение Катеньки разохотило гостей танцевать, и мужчины напомнили молодым хозяйкам о том, что они обещали усладить их слух своим музицированием и пением. Лизанька и Варенька смущенно переглянулись, но не без удовольствия заняли свои места за фортепьяно. Первая должна была аккомпанировать второй. Им ободряюще захлопали, и они довольно чисто исполнили дуэтом несколько романсов. Исполнение, правда, не было блестящим, но это искупалось их девичьей живостью и непосредственностью. Потом за инструментом их сменила Надя Марлова, спевшая полную любовной грусти песню «Чем больше скрыть стараюсь

мою страсть пред тобой». а потом вперед вышел юный Коверин и, попросив Надю ему подыграть, довольно бойко (сразу видно, готовился в гусары!) исполнил шутовскую песенку «Журнал любви»: в понедельник я влюбился, и весь вторник я страдал, в любви в среду открылся... и т.д., чем вызвал большое веселье среди своих слушателей и сорвал горячие аплодисменты. После этого Евдокия Васильевна вспомнила, что дочери еще хотели декламировать стихи, но было уже почти четыре часа утра, и дружно было решено, что пора немного отдохнуть, да и питаться исключительно духовной пищей невозможно. Поэтому творения Державина и Дмитриева заменил чай с ягодными пирогами, ватрушками, беэе и пирожными. Вновь гости стеклись в столовую, где на скорую руку был снова накрыт стол. Молодежь радостно поела сладости, подкрепляя силы после энергичных танцев. Не отставали от них и любители карт, изрядно уставшие за несколько часов непрерывной напряженной игры. Между мужчинами зашел спор о дальнейшей судьбе Наполеона и Европы. Одни твердили, что Европа скоро полностью освободится от узурпатора, другие возражали, говоря, что наполеоновская армия все еще достаточно сильна, чтобы оставить все завоеванные позиции. Женщинам спор был явно неинтересен, некоторые шептались между собой, а кто-то откровенно позевывал.

Наступало утро, и хоть за окном еще не рассвело, скоро должен был начаться новый, еще более суматошный для всех день, день подготовки к приему у вице-губернатора князя Волконского – мероприятию официальному, требующему еще больше энергии и сил. Да и привычки засиживаться далеко за полночь у провинциальной публики все-таки не было. Поэтому постепенно гости начали разъезжаться. К уютному двухэтажному особняку под железной крышей одна за другой подкатывали кареты с зажженными фонарями. Гости облачались в шубы. Они благодарили радушных хозяев за прекрасный ужин и прочие блестящие развлечения, просили непременно быть у них на следующей неделе, когда они сами будут давать бал в честь избавления от иноземных захватчиков. Все были довольны хорошо проведенным временем и думали о том, чтобы поскорее собраться снова.

А по возвращении домой, уже лежа в постели, кто с улыбкой вспоминал удивительно вкусную, ароматную стерлядь уху, кто нежное, но отчетливое рукопожатие девичьей руки, а кто удачную комбинацию карт, обеспечившую крупный выигрыш.

И если высший свет города под утро только засыпал, то весь остальной Екатеринбург уже пробуждался, и его увы! ждал день без свинины а-ля бешамель, мазурки и декламации стихов – день самый обычный, будничней. День с наметенными вчерашней выюгой непролазными сугробами, с колючим морозом, шиплющим щеки и нос, и залезаю-

шим в рукава, с ясным зимним небом... Один из январских дней 1813 года.

Литература

1. Захарова О.Ю. Русский бал XVIII – начала XX века. Танцы. костюмы, символика. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010.
2. Земцов В.Н. «Гроза двенадцатого года...» // Веси. № 8 (74). 2011. С. 68–87.
3. Земцов В.Н., Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1992.
4. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в Екатеринбурге // Веси, № 8 (74). 2011. С. 117–120.
5. Ляпин В.А. Уральская промышленность в 1812 // Веси. № 8 (74), 2011. С. 96–102.
6. Мамин-Сибиряк Д.М. Приваловские миллионы. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1980.
7. Мамин-Сибиряк Д.М. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Очерки истории Урала под ред. Миненко Н.А., вып.1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996.
8. Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М.: Изограф, Эксмо-Пресс, 2001.
9. Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX вв. М.: Наука, 2006.
10. Парфенов С. Подвиг Ерофея Маркова. // Центр финансовой поддержки по Российской Федерации // URL: <http://helprf.com/Uvlikbc//Zoloto/282.htm> (дата обращения: 01.09.2012).
11. Похлебкин В.В. Поваренное искусство и поварские приклады. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

L.S. Slobodyanik

Slobodyanik Lada Sergeevna – the doctoral candidate of Higher School of Economics (Prague, the Czech Republic).

EKATERINBURG BALL OF 1812 (historico-literary imagination)

Article is devoted to everyday life of Yekaterinburg during war of 1812. In 1812 Yekaterinburg led still quiet, measured life, and foretold nothing sharp changes. The district daily occurrence multiplied by the "mountain"

status, was difficult, echoes of war forced people to reflect on the future and disposed to a high living. Therefore people had no habit to senseless expenditure of money. Most often residents of Yekaterinburg gave dinners or dinners for which friends could come and without special invitation. It were visits without ceremonies and special preparations. Only very important event could rouse the person to the organization of the real ball – with dances, fireworks and other entertainments. News of Napoleon's exile out of borders of Russia became such event.

Key words: ball, war, daily occurrence, historico-literary imagination

А.В. Черноусова

ЛЕЙПЯСУО–2012: ПО СЛЕДАМ «ЗАБЫТОЙ» СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГГ.

Август 2012 года предстает перед мысленным взором чередой перечеркнутых крестиками дней. Теперь можно спокойно вздохнуть – ух! – Вахта Памяти закончилась. За все годы, проведенные на сём поприще, не бывало так сложно, так жутко и страшно, так неспокойно, так интересно, так психованно и истерично, но так захватывающе и притягательно, как во время Вахты–2012. Болота Лейпясую в течение 70 лет скрывали в себе многое и ждали, ждали момента... Момента, когда под моросящим дождем выдвинутся живые тени, с отблесками солнца на острозаточенных фискарях, на поиски теней настоящих, теней, томящихся в ожидании уже в течение 70 лет. И мы пришли, мы были здесь, мы были, как нам казалось в начале, готовы к любым болотным секретам. Сегодня мы становимся героями, хотя настоящими героями были те, кто навсегда остался там и кто навсегда забыт и вычеркнут из памяти...

Ключевые слова: советско-финская война, Вахта Памяти, поисковое движение, память

*Ляпис – в уши,
Лейпясую – в душу,
Волю в кулак,
Лахти – в рюкзак*

Август 2012 года предстает перед мысленным взором чередой перечеркнутых крестиками дней. Теперь можно спокойно вздохнуть – ух! – Вахта Памяти закончилась. За все годы, проведенные на сём поприще,